

УДК81'373.612.2 + 81'42

Ю. В. Ранчинская

Аспирант кафедры белорусской и русской филологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь
Научный руководитель: Кураш Сергей Бонифацевич, доктор филологических наук, доцент

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С СЕМАНТИКОЙ ОТРИЦАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье анализируются структурные типы контекстов, содержащих метафорически выраженное отрицание, на материале русских поэтических и медийных текстов преимущественно XX–XXI вв. Установлено, что в анализируемых метафорических конструкциях тесно сплетаются диалектика отрицания, противопоставления и утверждения, что заложено в самой природе метафоры. В структурном отношении собранный материал распределяется на два типа конструкций: простые, включающие два метафорически сталкиваемых понятия, и сложные, включающие более двух метафорически взаимодействующих понятий. Выявлены способы модификаций данных типов метафорических конструкций.

Ключевые слова: метафора, структурный тип, отрицание, поэтический дискурс, медийный дискурс.

Введение

Утверждение и отрицание – ментальные акты, лежащие в основе диалектического познания человеком и окружающей действительности, и себя самого. «Отрицание характеризуется антропологичностью, т. е. оказывается неразрывно связанным с бытием человека, его «несовершенной» субъективной природой, осмыслением им своего существования, перспектив своего бытия» [1, с. 12]. Именно в этом они согласуются с самой природой метафорического осмысления действительности, которое на своём начальном этапе «имеет дело не с отождествлением разных предметов, а с различением внутри одного предмета, отличением предмета от самого себя. Точнее – точка уподобления двух разных предметов является точкой расподобления предмета с самим собой» [2, с. 267]. Известный белорусский лингвист М. И. Конюшкович отмечает: «Континуумность языка не предполагает четкой границы между равно- и разноположенным. В категоризации мира, а соответственно и языка, существует область непонятого, неопределённого, в которой объект демонстрирует противоположные грани, которые уравниваются друг друга, в результате чего носитель языка не определился с выбором более значимой из них. Но сам процесс затруднений в выборе дифференцирующих признаков объекта уже зафиксирован языковым сознанием и должен получить языковое выражение типа ни то ни сё; не то А, не то Б; то ли А, то ли Б и под.» [3, с. 348].

В качестве одного из ведущих признаков метафоры традиционно называют семантическую двуплановость, отличающую в принципе любые тропы, где эффект достигается за счёт сходства вещей, а также антитезу, контраст и т. д., где параллелизм «достигается за счёт их несходства» [4, с. 217].

В трудах Р. О. Якобсона получил обоснование принцип параллелизма как ведущий принцип организации поэтического текста и – шире – поэтической речи. Тропеичность в широком смысле при этом рассматривается как один из важных показателей параллелизма. В подтверждение своей мысли Р. О. Якобсон ссылается на Г. Гопкинса: «К параллелизмам отчётливого или «резкого» типа принадлежат метафоры, сравнения, иносказания и т. д., где эффект достигается за счёт сходства вещей, а также антитеза, контраст и т. д., где параллелизм достигается за счёт их несходства» [4, с. 217].

На то же свойство метафоры указывает и В. П. Григорьев, отмечая изоморфизм метафоры и диалога: «Во-первых, троп ... служит появлению в привычном слове нового “голоса”, нового авторского “акцента”, который внутренне полемичен по отношению к “старому”, общеязыковому голосу...». Во-вторых, «...не так уж редко поэтам удаётся преодолеть сопротивление тропа и разности семантические составляющие метафоры в полемические одна по отношению к другой реплики» [5, с. 120–121].

Как видно, несовместимое в обычной логике (утверждение vs. отрицание) [6, с. 12–13] вполне гармонично совмещается в метафорическом моделировании картины мира, где отрицание и утверждение можно рассматривать как «два полюса (или альтернативы) одного измерения» [6, с. 53], как «компоненты общей грамматической категории “утверждение/отрицание”» [7, с. 5]. Кроме того, «отрицание оказывает значительное влияние на актуализацию понятийной картины мира в личностном дискурсе и в речи персонажей художественных произведений» [1, с. 7].

Объект исследования – метафорические конструкции с семантикой отрицания (МКСО) в современном русском языке.

Предмет исследования – структурные типы МКСО (основные модели и их вариативность).

В данной статье ставится *цель* выявления структурных типов языковых конструкций, реализующих метафорически выраженное отрицание.

Методы и методология исследования

Основные методы исследования – компонентный и контекстный анализ, классификация, интерпретация, моделирование. Исследование выполнено на материале направленной выборки медийных и поэтических текстов русских авторов преимущественно XX–XXI вв. с привлечением ресурсов Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>). Для авторизованных фрагментов указывается инициал имени и фамилия автора, для неавторизованных – наименование издания, в котором опубликован текст-источник.

Результаты исследования и их обсуждение

В качестве критерия классификации МКСО нами положен структурно-смысловый критерий, учитывающий сочетание метафорического (структурно необходимые элементы метафоры) и синтаксического подходов. Под метафорической конструкцией мы понимаем «речевой сегмент, границы которого определяются сосредоточением в них единой метафорической ассоциации, исходящей от некоторого центра (фокуса) и обуславливающей заданное лексическое окружение» [8, с. 31], при этом как о минимальных метафорических контекстах «можно говорить лишь в отношении двучленных (как минимум) конструкций – метафорических бинармах» [8, с. 35].

Согласно изложенным выше подходам, все анализируемые конструкции можно разделить на однокомпонентные (простые) и многокомпонентные (сложные).

К простым МКСО мы относим все контексты, соответствующие модели 1 «X не есть Y», где X и Y представлены субстантивами, формирующими предикативную основу предложения: *А бундестаг, госпожа канцлер, это не тормозная колодка* (Vesti.ru); *Да и соблюдение прав женщин – это не чемпионат* (Т. Москалькова); *Мысль понимает, что она / не молнии сестра* (М. Айзенберг); *А МГУ – не Ватикан!* (Ю. Гуголев).

Следует отметить, что в подобном «минимальном варианте» (нераспространённом или минимально распространённом предложении) анализируемая метафорическая семантика выражается довольно редко. В текстах русского поэтического и медийного дискурсов данная модель чаще всего реализуется в нескольких вариациях.

1.1. «Умножение» X или/и Y-элемента, т. е. их представленность не одной лексемой, а однородным рядом, например,

1.1.1. $X(X^1, X^2...X^N)$ не есть Y: *Ты для меня не загадка. Вообще, никто из вас не загадка* (А. Геласимов); *...бескрайние степи, и деревеньки на горизонте, и белые украинские хаты, и вишнёвые сады под горячим южным солнцем, и небо, полное звёзд, и маковки церквей, и усадеб украинцев, и украинок в ярких монистах...Это вам не чинный, добропорядочный Базель* (А. Рыбаков); *Честь и доблесть – не вещи с процентом износа* (Ю. Мориц);

1.1.2. X не есть $Y(Y^1, Y^2...Y^N)$: *Вырвется вдруг: я не червь, я не прах, / я не меченый атом в подпольных складах* (М. Айзенберг); *И вот – я не Иван, / тем паче – не Царевич* (Г. Семенов); *Я – не червонец, чтобы все меня любили, / Не мясо, не одежда, не жильё* (Ю. Мориц).

1.1.3. $X(X^1, X^2...X^N)$ не есть $Y(Y^1, Y^2...Y^N)$: *Прусак и ДПП – это не «Ленин и партия»* (Г. Рявкин).

1.2. X и/или Y представлены несубстантивными лексемами: *Собака и кошка – это не «держатель животное», это уже спутники человека* (Коммерсант); *Ребята, в футбол играть – это вам не потолки штукатурить...* (Я. Коробатов); *Игорный бизнес – это вам не пирожками с козлятиной торговать...* (РБК Daily); *Манеж – это тебе не по асфальту ходить* (Ю. Васильев).

В качестве X или Y-элемента может выступать метафорическое словосочетание (так называемая «вложенная метафора»): *...булавки перл – не собственность моллюска* (Б. Ахмадулина); *Я не шезлонг аллюзий* (В. Соснора).

Поскольку в логико-семантическом плане данная модель представляет собой образно выраженное суждение с семантикой отрицания, по законам логики оно нуждается если не в доказательстве (что необходимо, например, в научном дискурсе, сущностно атрибутируемом как аргументативный [9]), то хотя бы в пояснении, что вполне приемлемо для медийной и тем более поэтической коммуникации, в большей мере ориентированных на эмоциональное воздействие, нежели на научно аргументированное, ср.: «Направленность на эмоциональное воздействие проявляется в активном привлечении парааргументации (многообразные риторические, прежде всего

тропеические, приемы)» [9, с. 27]. Это в свою очередь «приводит к нарушению концептуальных рамок таксономии, образованию специфических семантических моделей, которые ориентированы на сближение самых разных лексических единиц, нетрадиционных и неожиданных отождествлений и сравнений» [10, с. 131]. Поэтому рассматриваемая модель чаще всего усложняется за счёт расширения Y-элемента (развёртывания метафоры, проявления интеракции, так называемого «tertium comparationis», или общего семантического признака для «левого» и «правого» элементов метафоры): *Я не сахар, сразу не растаю* (М. Айзенберг); *Я не дымом в чужую одежду вошел, / и не скука глаза мне кусает* (М. Айзенберг); *Кинематограф – это не пристройка к книжному магазину, и я не хочу видеть писательское кино, я хочу видеть кинематографическое кино* (В. Мусвик); *Телефон здесь при том, что часы – не педанты, как хотят – так идут...* (Б. Ахмадулина). При этом (прежде всего в поэтическом дискурсе) в составе анализируемых тропеических построений можно также наблюдать и дополнительные образно-стилистические эффекты. Так, например, Y и Z могут сближаться в звуковом и/или морфемном облике («паронимическая аттракция»), ср.: *Я никакой не лучик – / Луи!* (Л. Мартынов); *Хвостик маленький оранжев. / Ты не дятел, я не Дидель* (М. Айзенберг); *Как мне увериться, что жизнь – не сон, не стон, но вещь протяжная, как колокольный звон над среднерусскою равниной?* (Б. Кенжеев).

2. Под понятие многокомпонентных МКСО мы подводим такие контексты, которые включают в свой состав 3 и более компонента (X, Y, Z...), которые также достаточно разнообразны по вариативности своего строения. Они представлены следующими основными моделями:

2.1. Отрицание переходит в противопоставленное утверждение, что соответствует формуле X не Y, а Z: *Я не одописец, а лирик* (Н. Глазков); *Нет, я не Байрон, я другой, / Ещё неведомый избранник* (М. Лермонтов); *Партия – это не клуб по интересам, а инструмент завоевания власти* (А. Андреев).

2.2. Данная модель – обратная приведённой выше – X есть Z, а не Y: утверждение сменяется отрицанием: *Я – человек. Я не ковер* (Б. Слуцкий); *Я – человек, не труп* (И. Эренбург); *... хоть я и сторож, / грубые вещи, но я не брат вам* (М. Айзенберг).

2.3. Характерны также контексты, представляющие собой синтаксически параллельные цепочки подобных метафорических образов, так называемые «многофокусные метафоры» [8, с. 27]: *Я – не пророк, они – не серафимы* (И. Бродский); *Я не евнух, и ты не девица* (О. Чухонцев).

Как и однокомпонентные МКСО, многокомпонентные конструкции также могут усложняться за счёт «умножения» одного или нескольких компонентов: *Наши экспонаты – это не картины и часто даже не драгоценности в бытовом понимании, это археологические находки* (О. Кабанова); *Не машинисты, паровоз, вагоны и я, а что-то целое, ну, то есть поезд* (Е. Гришковец); *Сантиметрика стиха и квадратная – стихов, не лузга, не шелуха, соло, соло, а не хор* (Н. Горбаневская). Для них также свойственно обращение к приёмам «языковой игры», ср.: *Это был даже скорее не человек, а человек* (Запись LiveJournal).

Наконец, для поэтического дискурса свойственны такие примеры функционирования метафор с семантикой отрицания (и/или противопоставления), которые иллюстрируют текстообразующую функцию метафорического тропа. Так, в стихотворении Ю. Мориц «Мальчишка» в качестве его ключевых элементов выступает целая серия синтаксически параллельных МКСО, ср.: *Я – не вкусный и не сладкий, / Я – не мёд и не варенье, / Не хочу быть шоколадкой, / Быть конфеткой «Вдохновенье»!* / *Моя рыбка, моя птичка – / Слов таких не любит мальчик. / Нехорошая привычка: / Говорить, что я – ваш зайчик! (...)* / *Я – не рыбка и не птичка, / Я – не вкусный, сладкий слоник, / Не будильник, свечка, спичка, / Не трамвай, не подоконник, / Также я – не табуретка, / Не автобус, не котлетка, / Не зайчишка меховой, / А мальчишка я живой.*

Приводимое ниже стихотворение В. Кривулина «Поэт не трамвай» представляет собой одну целую развёрнутую метафору, смысловой фокус которой вынесен в заголовок, ср.: *поэт не трамвай / поэт не нужен / речь поэта избыточна – / какие-то избы античные, реже – на повороте / четыре изогнутых рельсины, брызнувшая по брусчатке / луна и еще долго долго / не умирающий скрежет / но единожды в жизни / брачный танец красных вагонов / без возжатога без проводов / над обмелевшими крышами / в необозначенном воздухе / или например на воде / служащей одновременно и музыкой и простыней – / той которой потом обносят гостей демонстрируя / честь невесты / а что он поэт? / невольник чести / как выразился другой стихотворец / впрочем вовсе не тот кого переехало / сумасшедшим трамваем / вынырнул неизвестно откуда – / ни номера ни сигнальных огней – и юркнул / неизвестно куда / оставивши только зачем-то / свое щенячье дзнь-дзнь / висеть на пурпурно-шелковом небе / рядом с танской луной.* В приведённом тексте, как видно, реализуется интеракция двух тематических линий – X (поэт), ср.: *речь поэта избыточна, невольник чести, другой стихотворец*; Y (трамвай), ср.: *на повороте, четыре изогнутых рельсины, красных вагонов, без возжатога без проводов, ни номера, ни сигнальных огней* и пр.

В функции заголовков (заголовочных комплексов) МКСО можно встретить и в медийном дискурсе: *Экс-глава Glencore: «Энергопереход – это не игрушки»* (Ведомости); *Ребята, правда, коронавирус – это не шутка* (Парламентская газета); *Почему Армения не Израиль* (Ведомости); *Полина Иванушкина. Не жизнь, а песня* (Аргументы и факты) и пр. Закономерно, что в озаглавленных таким образом текстах данные метафорические отрицания находят тематическую поддержку, т. е. «развивающую часть» метафоры.

Заключение

Таким образом, в структуре и семантике метафорических построений, активно функционирующих в русской поэтической речи и медийном русскоязычном коммуникативном пространстве, могут тесно сплетаться диалектика отрицания, противопоставления и утверждения, что заложено в самой природе как мыслительной деятельности в целом, так и метафорического способа её осуществления в частности. Это способствует созданию концептуально ёмких, сложных, амбивалентных образов, среди которых есть и те, которые опираются на языковую логику, и те, которые парадоксальны по своей сути. В их вербализации задействован ряд разнообразных синтаксических построений, которые можно классифицировать на простые (двухкомпонентные) и сложные (трёх- и более компонентные). И те и другие весьма вариативны в конкретно-языковых способах репрезентации, в особенности в рассматриваемых коммуникативных сферах – медийном и поэтическом дискурсах.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мантыева, Б. А. Отрицание в понятийной и языковой картине мира в личностном и художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Б. А. Мантыева ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 23 с.
2. Амелин, Г. Метафора как темпоральная структура / Г. Амелин // Логос. – 1994. – № 5. – С. 267–268.
3. Конюшкевич, М. И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках : моногр. / М. И. Конюшкевич. – Гродно: ГрГУ, 2018. – 435 с.
4. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М., 1975. – С. 193–230.
5. Григорьев, В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 344 с.
6. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 210 с.
7. Ханова, А. Ф. Средства и способы выражения категории отрицания в татарском языке: в сопоставлении с русским и немецким языками : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / А. Ф. Ханова ; Тобольск. гос. соц.-пед. акад. – Тобольск, 2010. – 25 с.
8. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
9. Савчук, Т. Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т. Н. Савчук ; Беларус. гос. ун-т. – 46 с.
10. Старычонок, В. Д. Метафора ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манagr. / В. Д. Старычонок. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190 с.

Поступила в редакцию 30.09.2024

E-mail: julia13313@mail.ru

Yu. V. Ranchinskaya

STRUCTURAL TYPES OF METAPHORICAL CONSTRUCTIONS WITH THE SEMANTICS OF NEGATION IN MODERN RUSSIAN

This article analyzes the structural types of contexts containing metaphorically expressed negation on the material of Russian poetic and media texts of predominantly XX–XXI centuries. It is established that in the analyzed metaphorical constructions the dialectics of negation, opposition and affirmation are closely intertwined, which is inherent in the very nature of metaphor. Structurally, the collected material is categorized into two types of constructions: simple, including two metaphorically clashing concepts, and complex, including more than two metaphorically interacting concepts. The ways of modifications of these types of metaphorical constructions have been revealed.

Keywords: metaphor, structural type, negation, poetic discourse, media discourse.